

МОДЕЛИ СМИ И РЕАЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

Сборник статей

Автономная некоммерческая организация
«Редакция газеты «Ковчег Кавказа»

Южно-российский гуманитарный институт

МОДЕЛИ СМИ И РЕАЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

Сборник статей

Ростов-на-Дону
«Терра»
2003

ББК Ч612(2)я432
М 74

В оформлении обложки использована работа «Мой ребенок» художника Марины Макаровой из серии «Гнездовье. Концепт-проект жизненно необходимых вещей»

М 74 **Модели СМИ и реальность жизни.** Сборник статей / Отв. ред. В.Г.Ромек, Н.В.Мирзабекова. – Ростов н/Д: ООО «Терра», 2003. – 72 с.

ISBN 5-98254-005-6

Сборник статей «Модели СМИ и реальность жизни» подготовлен по материалам конференции, проведенной в рамках проекта «Поддержка предотвращения и конструктивного урегулирования межнациональных конфликтов на Северном Кавказе в средствах массовой информации». В сборнике приводится анализ выработанных наукой средств и способов предотвращения и конструктивного урегулирования межнациональных и межличностных конфликтов.

ББК Ч612(2)я432

ISBN 5-98254-005-6

© Автономная некоммерческая организация «Редакция газеты «Ковчег Кавказа», 2003

Работа осуществлена при поддержке Института «Открытое общество» – Фонд Сороса (Россия)

Ответственные редакторы:

Владимир Георгиевич РОМЕК,
кандидат психологических наук, заведующий кафедрой прикладной психологии ЮРГИ

Нонна Владимировна МИРЗАБЕКОВА,
главный редактор культурно-просветительской газеты «Ковчег Кавказа»

Во всех газетах, сэр, длинные статьи об убийствах. Вечно кого-то убивают, но читать я об этом не хочу.

Чарльз Диккенс. Дэвид Копперфильд

МЫ И ОНИ

Ромек Е.А.

В сфере освещения межнациональных отношений в средствах массовой информации существует своеобразная традиция: рассказывая о военных действиях в Чечне, быте беженцев в палаточных лагерях или детях-попрошайках на улицах Ростова, журналисты стремятся поразить воображение зрителей и читателей живописанием жестокости, лишений, насилия.

Позитивная альтернатива предлагается при этом крайне редко. В результате у зрителя (читателя) снижается порог чувствительности к агрессивности и формируется компенсаторный механизм пассивного отреагирования. Видя на телеэкране кадры погромов на рынках Москвы, читая о воровстве бюджетных средств, выделенных на восстановление школ в Чечне, о нищете в приграничных с Россией абхазских деревнях и т.п., читатель (зритель, слушатель) расстроен, возмущен и вместе с тем находится в психологической позиции отстраненного наблюдателя. Меры должны быть незамедлительно приняты, ситуация изменена, убежден он. Но ... разве телесюжет, газетный или радиорепортаж о возмутительных фактах – это не «меры», к тому же эффективные, раз они вызывали у него адекватную эмоциональную реакцию (негодования, гнева и т.п.)? Разве эти чувства не объединяют порядочных и совестливых граждан России? Увы, поскольку ни в реальности, ни в поведении зрителей, читателей и слушателей средств массовой информации ничего не изменилось, речь идет об иллюзорном единстве, иллюзорной эффективности и иллюзорных «мерах».

Помимо мотивированного рыночными аргументами стремления к сенсации, эта журналистская традиция коренится в древнем стереотипе мышления, или, выражаясь иначе, в научно-архаичной семантической оппозиции «мы – они». Многие исследователи считают ее даже исходной категориальной парой

человеческого мышления. «Мы» тождественно полному доверию, все представления, исходящие от «мы», воспринимались первобытным человеком и продолжают восприниматься нашими современниками как свои собственные и в этом качестве побуждают к однозначному действию без раздумий и размышлений. «Они» – это чужаки, враги, нелюди, варвары, подозрительные и опасные соседи. Враждебность «они», подлинная или мнимая, подчеркивает и обостряет единство «мы». «Мы» и «они» – это типичные логические категории, выражающие противоположности и не существующие друг без друга.

Этнонимы, или самоназвания, многих древних народов представляют собой не что иное, как производные категории «мы». В древнегреческом языке, например, слово «эллин» значило «человек», «гражданин», «свободный», т.е. обозначало принадлежность к полису – «мы» греков. Противоположное понятие «варвар» обозначало не(вполне)человека, который не знает закона – Nomosa, не причастен к разуму и поэтому является потенциальным рабом.

Вот как отвечает на упреки покинутой им Медеи Ясон:

– Да, я признаю твои услуги. Что же
Из этого? Давно уплачен долг,
И с лихвою. Во-первых, ты в Элладе
И больше не меж варваров, закон
Узнала ты и правду вместо силы,
Которая царит у вас. Твое
Здесь эллины искусство оценили,
И ты имеешь славу, а живи
Ты там, на грани мира, о тебе бы
И не узнал никто.
(Еврипид. Медея)

Ту же логику использовал Аристотель в обосновании рабс ва. «Все те, – писал он в «Политике», – кто в такой сильной сте пени отличается от других людей, в какой душа отличается с тела, а человек от животного … те люди по своей природе – р

бы; для них, как и для вышеуказанных существ, лучший удел – быть в подчинении» (Политика 1254b 15). Поскольку варвары отличаются от «других людей» («нас», эллинов), постольку рабство – их удел.

Оппозиция «мы – они» вводит таким образом двойной стандарт человеческих отношений и прав. По этой причине к ней апеллируют идеологии самого разного рода. Христианские заповеди запрещают убийство, предписывают возлюбить ближнего своего и т.д., но стоит активизировать категориальную пару «мы – они» – воззвать к чувству единства истинно верующих и противопоставить им язычников, отступников, еретиков и т.п., как запрет на убийство в отношении последних перестает действовать. Они отличаются от других людей (нас, истинно верующих) в «такой сильной степени», что заповеди на них не распространяются.

Тот же двойной стандарт лежит в основе убеждения многих наших сограждан, что хотя война на собственной территории и нарушает права людей, на ней проживающих, противоречит Конституции РФ, однако с мусульманским экстремизмом, да еще и на Кавказе, иначе справиться просто нельзя. Ведь и мусульманские экстремисты, и жители Кавказа отличаются от других людей (нас). В ослабленной форме это убеждение реализуется в компенсаторном механизме «пассивного отреагирования», о котором шла речь выше.

Но откуда взялась в глубинах сознания современных людей смысловая оппозиция «мы – они»? В чем причина ее могущества? Не является ли она одним из таинственных архетипов «коллективного бессознательного», о которых писал К. Г. Юнг?

Итак, мы обнаружили в глубинах сознания современных людей категориальную оппозицию «мы – они», которая, несмотря на простоту и даже примитивность, обладает огромной властью над поведением – властью тем большей, чем меньше она осознается. Стоит активизировать ее, и, вопреки осознанным убеждениям и принципам, наши либерально настроенные сограждане начинают испытывать враждебность по отношению к от-

дельным людям и целым народам, живущим иначе, исповедующим иные ценности, религиозные верования и т.п. То, что в отношении НАС было бы беззаконием, нарушением прав человека и просто несправедливостью, то в отношении НИХ – единственно возможные и оправданные действия. Комментируя недавний теракт в Москве, Т. Б. Дмитриева, директор института им. Сербского, заявила, что существуют люди, генетически предрасположенные к совершению преступлений. Вот, оказывается, в чем дело. Весь комплекс сложнейших проблем, связанных с терроризмом, войной на Северном Кавказе, властью нефтяных магнатов, распадом Советского Союза и правом народов на самоопределение, традиционным тейповым социальным устройством Чечни и т.д., подменяется простым объяснением – генетически обусловленной порочностью чеченцев (арабов и т.д.). Упомянутые проблемы исключаются из рассмотрения, а вся полнота ответственности за непрекращающуюся войну, терроризм, возрастающую агрессивность в обществе, критерием которой может служить количество крови, камуфляжа, бритых затылков и криминальной лексики в программах государственных телеканалов, возлагается на НИХ. Оппозиция «мы – они» становится таким образом главным орудием (или оружием?) идеологии. Но почему так легко поддаются ее влиянию люди, еще вчера ратовавшие за демократию, толерантность и права человека? Откуда эта готовность к узнаванию врага в чужаке и определению чужака как врага?

Ответы на эти вопросы содержатся в работах замечательного отечественного ученого Б.Ф. Поршнева, посвященных проблеме возникновения человека. Опираясь на исследования русских и зарубежных психологов (А. Валлона, Л. С. Выготского, В. Келлера, Ж. Пиаже и др.), Б.Ф. Поршнев опроверг распространенное представление о том, что речь и мышление не существуют друг без друга, и показал, что именно речь является основой всех специфически человеческих психических способностей (произвольной памяти, понятийного мышления, воли и т.д.). А стало быть, именно речь, а не мышление, как принят

думать, является отличительным признаком человека.

Языковые системы современных людей выполняют две важнейшие функции – обозначения и предписания. Последняя из них генетически первична, т.е. возникла гораздо раньше функции обозначения и представляет собой нечто вроде основания языка. В этом основании и скрыто исходное начало речи, являющееся ключом к пониманию специфически человеческого способа жизнедеятельности. Этим началом, как установил Б.Ф. Поршнев, выступает суггестия, или внушение.

Нет власти сильнее, чем власть слова. Суггестия и есть явление принудительной силы слова, когда слова, произносимые одним неотвратимым, «роковым» образом предопределяют поведение другого, если только не наталкиваются на сопротивление. Вы сидите в кресле, отдыхая или размышляя о чем-нибудь. «Встать!» – раздается за вашей спиной. Первое автоматическое, физиологическое побуждение заключается в том, чтобы подчиниться приказу. Нужно усилие воли или критического мышления, чтобы остаться в кресле.

В «чистом» виде внушаемость у взрослого современного человека проявляется лишь в особых случаях – в толпе, при гипнозе, в патологии. Обычно же суггестии сопутствует контрсуггестия, защита от словесного внушения, – непонимание, вопрос, протест, осознанное неподчинение и т.д. Но поскольку суггестия – средство воздействия на поведение людей, способ повелевать ими, то в ответ на контрсуггестию появляется множество способов свести ее на нет. История человечества, замечает в этой связи Б. Ф. Поршнев, насыщена средствами пресечения всех и всяческих проявлений контрсуггестии. К их числу принадлежат и физическое насилие, сбивающее психологическую броню, и вера в земные и неземные авторитеты, и, с другой стороны, принуждение к послушанию посредством неопровержимых фактов и логики – убеждение.

Однако необходимым условием любой формы суггестии является доверие к внушающему. Абсолютное доверие тождественно полной внушаемости. Предписание другого человека вос-

принимается в этом случае как собственное побуждение. Вот тут-то и вступает в дело категориальная оппозиция «мы – они». Суггестия, полагает Б.Ф. Поршнев, была исходной формой регуляции поведения человека. В первичных человеческих коллективах на ее основе действовала система взаимного принуждения-оттормаживания, побуждавшая индивида делать что-либо, что не диктуется естественными импульсами его организма, отдавать добытое на охоте, например. Универсальность этой системы объясняет хорошо известный антропологам коллективизм первобытной экономики. Древнейшим способом распределения продуктов труда было одаривание.

«На заре человеческой истории, – пишет Б.Ф. Поршнев, – лишь препоны родового, племенного, этнокультурного характера останавливали в локальных рамках "расточительство и не допускали разорения первобытной общины или группы людей"» (Б.Ф. Поршнев «О начале человеческой истории. М., 1974, с. 405). Потребность в создании таких препон и вызвала стремительное усложнение знаковой регуляции поведения – становление системы языка. Первые слова обозначали принадлежность к данному коллективу – «мы», «наше» в противоположность «не-мы», «не-наше». Причем познавательный момент был неразрывно связан в них с эмоционально-оценочным: «наше» означало «хорошее», «безопасное», «правильное» и т.п., «не-наше» – «дурное», «враждебное», «неправильное» и т.п. Так что противопоставление «мы» и «не-мы» было одновременно первой социальной классификацией и первой лексико-семантической оппозицией. В последующем развитии общества, мышления и языка эта антитеза ушла в основание человеческого сознания. Однако при особых условиях и должных усилиях она легко активизируется, чем успешно пользовались пиар-технологи всех времен и народов.

СОДЕРЖАНИЕ

РОМЕК Е.А. Мы и они 5
ВАСИЛЬЕВА О.С., СКАРГА В.В. Взаимосвязь проявлений агрессивности подростков и их предпочтений в просмотре художественных фильмов и телепередач 11
КУЗУБ А.В. Конструирование ценностей под влиянием художественных фильмов 30
РОМЕК В.Г. Жизнь и телевизионные модели: трагическое соответствие 41
РОМЕК В.Г. Агрессия на экране и в жизни 44
ФЕДОТОВА О.Д., ЗАДОРОЖНАЯ О.В. Мотивы одиночества и агрессии в русском героическом эпосе: особенности педагогической проекции 48
КОРОЧЕНСКИЙ А.П. Общественное доверие к средствам массовой информации 61
Взгляд эксперта на региональную российскую прессу 63
Приложение 1. Опросник 65
Приложение 2. Кодекс профессиональной этики российского журналиста 67

Научное издание

МОДЕЛИ СМИ И РЕАЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

Сборник статей

Главный редактор	*В.В. Дашевская*
Технический редактор	*В.И.Сергеев*
Корректор	*А.С. Багдасарян*
Фото	*И.Л. Саянов*

Сдано в набор 19.06.2003. Подписано в печать 11.08.2003.
Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Ариал». Усл. печ. л. 4,18.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 142.

Издательство ООО «Терра».
344034, г. Ростов-на-Дону, ул. Портовая, 33, тел. 99-94-78.
ЛР № 65-61 от 24.01.2000.

Отпечатано в типографии ООО «Терра».
344034, г. Ростов-на-Дону, ул. Портовая, 33, тел. 99-94-78.
ПЛД № 65-110 от 15.07.97.